

Научная статья
УДК 94(410)“17/18”
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.10.5>

**Британские историки о вигской оппозиции
и возрожденном торизме последней трети XVIII – начала XIX вв.**

Виктор Викторович Клочков

Южный федеральный университет (ИУЭС ЮФУ), Ростов-на-Дону, Россия,
vicpeel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1850-6096>

Аннотация. Рассматривается дискуссия британских историков о природе и содержании политических представлений вигской оппозиции и возрождении торизма с приходом к власти в Великобритании Георга III. Выявляются и исследуются ключевые оценки доктрин консервативных вигов и «старых тори» в рамках подходов, характерных для интеллектуальной истории, и то влияние, которое они оказали на модификацию конституционных воззрений тори в последней трети XVIII – начале XIX вв. Подчеркивается, что среди исследователей, придерживающихся установок интеллектуальной истории, сформировалось устойчивое убеждение в том, что в первые десятилетия правления Георга III не было новой «партии» тори, однако среди фракций в палате общин существовала основа для нового реакционного консенсуса, который способствовал ее появлению в начале XIX в. В качестве итога исследования отмечается, что конструкции с традиционным определением тори как «партии двора», а вигов – как «партии страны» сегодня постепенно утрачивают актуальность и оцениваются современными британскими историками как схематичные и зачастую не соответствующие действительному положению вещей.

Ключевые слова: Великобритания в конце XVIII – начале XIX вв., британская конституция и королевская прерогатива, партии вигов и тори, политический дискурс о природе и границах прерогативы, права и привилегии парламента, политические доктрины консервативных вигов и «старых тори», политическая идентичность в годы правления Георга III, современная британская интеллектуальная история и проблемы идентичности вигов и тори

Для цитирования: Клочков В.В. Британские историки о вигской оппозиции и возрожденном торизме последней трети XVIII – начала XIX вв. // Общество: философия, история, культура. 2021. № 10. С. 36–40. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.10.5>.

Original article

**British historians on the Whig opposition and revived Toryism
of the last third of the XVIII – beginning of the XIX centuries**

Victor V. Klochkov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
vicpeel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1850-6096>

Abstract. The article deals with the discussion of British historians on the nature and content of the political ideas of the Whig opposition and the revival of Toryism when George III came to power in Great Britain. The key assessments of the doctrines of the conservative Whigs and the “old Tories” within the ranks of the intellectual history approaches and the influence they had on the modification of the constitutional views of the Tories in the last third of the XVIII – early XIX centuries are identified and investigated. It is emphasized that among researchers adhering to the attitudes of intellectual history, a strong belief was formed that in the first decades of the reign of George III there was no new Tory “party”. However, among the factions in the House of Commons there was a basis for a new reactionary consensus, which contributed to its appearance at the beginning of the XIX century. As a result of the study, it is noted that historiographical constructions with the traditional definition of the Tories as “the party of the court”, and the Whigs as “the party of the country” are gradually losing relevance today, and are evaluated by modern British historians as schematic and often do not correspond to the actual state of things.

Keywords: Great Britain in the late XVIIIth and early XIXth centuries, the British constitution and the royal prerogative, the Whig and Tory parties, political discourse on the nature and limits of the prerogative, the rights and privileges of parliament, the political doctrines of the conservative Whigs and the «old Tories», political identity during the reign of George III, modern British intellectual history and problems of Whig and Tory identity

For citation: Klochkov V.V. British historians on the Whig opposition and revived Toryism of the last third of the XVIII – beginning of the XIX centuries // Общество: философия, история, культура. 2021. № 10. С. 36–40. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.10.5>.

В последней трети XVIII – начале XIX вв. в Великобритании представления о злоупотреблении королевской властью и желании защитить исконные свободы английского народа от ее притязаний способствовали постепенному сплочению вигской партии, оказавшейся тогда в оппозиции. Формирующаяся в этот период политическая идентичность вигов нашла свое отражение в таких известных работах, как эссе Э. Берка «О причинах нынешнего недовольства» (1770 г.) [1], а в самом начале XIX в. – в спорном сочинении выдающегося вига – сторонника реформы политического представительства Г. Брозема «О состоянии партий» (1818 г.), опубликованном в журнале «Эдинборо ревю» [2]. Именно с точки зрения вигов, противостоящих предполагаемому возрождению произвольной королевской власти, политическая оппозиция должна была быть узаконена, чтобы стать неотъемлемой частью английского конституционного устройства. Однако всякая оппозиция нуждается если не в идеологии (употреблять этот термин применительно к многочисленным фракциям в палате общин конца XVIII – начала XIX вв. если и допустимо, то с известной осторожностью), то в наборе принципов, влияющих на ее политическую идентичность [3, с. 124]. Несложно заметить, что эти принципы часто формулировались именно вигами, особенно когда это касалось такой значимой в рассматриваемый период проблемы, как предполагаемая реформа политического представительства, направленная на расширение избирательного права [4].

После смерти Георга III в 1820 г. представители вигской оппозиционной традиции продолжали придерживаться этих общих установок. Будущий лидер вигов лорд Джон Рассел высказывал вполне определенные опасения по поводу, как ему казалось, растущей власти короны. Он писал: «Мы видели..., что влияние короны возросло до тревожной степени, и что повторение периодов народного брожения вместо того, чтобы сдерживать это влияние, как это было в старые времена, становится поводом для принятия новых законов, каждый раз отсекая что-то от установленных свобод нации» [цит. по: 5, р. 253]. Таким образом, по мнению вигов, даже на фоне народного недовольства 1815–1818 гг., спровоцировавшего торийский кабинет лорда Ливерпула (1812–1827 гг.) на ряд репрессивных мер, именно корона, а не народ представляла главную опасность для английского конституционного устройства. Как представляется, это обстоятельство позволяет провести четкое различие между вигской оппозиционностью и риторикой, лежащей в основе идентичности тори [6, с. 55].

Учитывая отмеченную стойкую озабоченность вигов по поводу посягательств королевской власти на прерогативы парламента и на свободы подданных в целом, современный исследователь Дж. Кларк предполагает, что «центральной темой, объединяющей политические конфликты от правления Георга III до правления Вильгельма IV, была не природа династического наследования (как это было от Вильгельма III Оранского до Георга II), а осуществление королевской прерогативы» [7, р. 249–250]. Действительно, споры в отношении королевской прерогативы разгорелись уже в первые годы правления Георга III (1760–1820) [8, с. 57]. Это обстоятельство породило напряженную историографическую дискуссию, посвященную проблеме приемов и способов, посредством которых Георг III осуществлял королевскую власть.

Спектр вопросов этого спора оказался весьма широким – от признания тиранических амбиций монарха, решившего подорвать конституционную роль парламента в изображении Э. Мэя и других историков-вигов викторианской эпохи, до понимания преемственности в конституционной практике между Георгом III и первыми двумя ганноверскими монархами, подчеркнутой столпом традиционной вигской историографии Л. Нэмиром [9, р. 268]. Благодаря комплексным исследованиям последнего точка зрения о тиранических склонностях Георга III нашла мало сторонников среди современных исследователей. Очевидно, что Георг III не был тираном, посвятившим себя подрыву роли парламента; нет также свидетельств того, что тайный заговор осуществлялся «под ковром» с целью создать систему прерогативных полномочий короны, полностью свободной от любого вида политической ответственности. Однако работы Л. Нэмира не раскрывают картину, «как она есть» (несмотря на широко известный пассаж автора), и несколько преувеличивают важность политических идей. Стараниями Л. Нэмира вопрос о том, действительно ли царствование Георга III было посвящено существенному расширению границ королевской прерогативы, возможно, и был отодвинут на второй план историографической повестки, однако реальность амбиций третьего из «великолепных Георгов» подчеркивается довольно очевидным распространением этой идеи в широком политическом дискурсе того периода.

Как пронизательно заметил Дж. Брэдли в конце 80-х гг. прошлого века, «политика имеет такое же отношение к восприятию реальности, а зачастую и большее, чем сама реальность; то, что, по мнению людей, происходило, влияло как на их отношение, так и на их поведение, и они формировались прежде всего проповедями, брошюрами и газетами» [10, р. 382]. Тогда же среди ученых, изучающих подобного рода источники, появилась тонкая симпатия к «мифу» вигов о возрожденном торизме в первые десятилетия правления нового короля. Так, М. Эйвери, несмотря на отрицание идеи «нового торизма», выдвинутой ее коллегами, сосредоточила свое внимание на комплексных

исследованиях «индивидуальных перестроек» в Вестминстере. Она пишет, что «неудобным фактом остается то, что многие современники считали, что... даже довольно беглый анализ правительственной пропаганды не позволяет избежать вывода о том, что кабинеты 1760-х и 1770-х гг. представляли собой яркий образец классических тори для читающей публики» [11, р. 24–25].

В свою очередь Дж. Ганн, исследуя политические трактаты адептов движения «высокой церкви», также приходит к выводу, о том, что «преувеличенные заявления смещенных политиков-вигов, что при восшествии на престол Георга III произошло возрождение тори, возможно, не были обосновательными» [12, р. 309].

С другой стороны, даже Дж. Кларк, хотя он и настаивает на том, что «идеологическую защиту Георга III нельзя назвать классическим торизмом», делал акцент на выделении консервативных элементов собственно вигской традиции, признавая, что «некоторые элементы торизма начала XVIII в. действительно перетекли в вигский политический дискурс в 1760-х гг.» [13, р. 301]. По мнению известного исследователя, «аргументы в пользу известного “торийского возрождения” и расширения королевской прерогативы к 1800 г. включали в себя и часть собственно вигского политического дискурса..., адаптированного к новой политической ситуации путем интеграции с доктринами ее оппонентов-тори» [14, р. 239].

Исследования Дж. Ганна и Дж. Кларка составили основу критического направления в британской историографии последней четверти века. Однако все еще ждут детального исследования вопросы о том, какие элементы доктрины «старых тори» были сохранены, насколько они были интегрированы с консервативным вигским дискурсом и, что особенно важно, на каких основаниях эта интегрированная идеология способствовала развитию новой идентичности тори и вигов.

Возможно, самое глубокое на сегодняшний день осмысление того, что представлял собой торийский политический дискурс последней трети XVIII в. в контексте «возрождения тори», мы находим у Дж. Сэка. Как и М. Эйвери, он признает тщетность попыток определить преемственность в парламентских фракциях, отвергая тезис о том, что относительно стабильное двухпартийное разделение сохранялось с 1760 по 1832 гг. [15, р. 47]. Тем не менее Дж. Сэк предполагает, что «если бы дискуссия о выживании партии тори после 1760 г. была переведена из Вестминстера в более возвышенный мир идеологических и теоретических построений», то для отказа от приведенного выше тезиса об устойчивом двухпартийном разделении могли бы возникнуть и «более веские аргументы» [16, р. 48]. Так, проводя исследование патрон-клиентских отношений, связанных с торийскими семействами Бьютов и Дженкинсонов, британский историк обнаруживает в системе их семейных связей несколько лиц с весьма реакционными взглядами [17, р. 77–78]. Здесь достаточно будет упомянуть убежденного роялиста Джорджа Хорна* [18], его коллегу Томаса Хатчинсона, Уильяма Джонса** из Найленда [19] и адвоката Джона Ривза*** [20]. Дж. Хорн был двоюродным братом Уильяма Стивенса, который являлся казначеем королевы Анны и одновременно редактором сочинений Уильяма Джонса, вместе с которым он инициировал создание организации, известной как «Общество за реформацию принципов» (1792). Это общество организовало выпуск периодического издания движения «высокой церкви» «Британский критик» (1793). Также У. Стивенс возглавлял влиятельный «Клуб ничьих друзей» (1800, существует и в настоящее время) [21, р. 2–6]. Среди членов клуба были Джонатан Буше, примечательный американский лоялист с реакционными наклонностями; Джон Боулз, чьи памфлеты против революционной Франции обеспечили ему место в платежной ведомости казначейства, а также «архитори» Джеймс Ричард Грин, редактор «Антиякобинского обозрения» – широко известного журнала консервативного направления, постоянными авторами которого являлись все перечисленные выше политические и религиозные деятели. Хотя преобладающее внимание Дж. Сака к периодической печати и журналам ограничивает детальное изучение собственно политических работ многих из этих деятелей, он тем не менее вполне проникательно отмечает, что в их сочинениях рождается «нечто за пределами королевского двора и идей оппозиционных вигов, что-то, ведущее к созданию новой политической конструкции, включающей церковь и государство, свободу и обязательства, которые более позднее поколение назовет тори или консерваторами» [22, р. 79].

* Джордж Хорн был иерархом англиканской церкви, интеллектуальным последователем Дж. Хатчинсона. Рукоположенный в 1753 г. епископом Оксфордским, Дж. Хорн служил капелланом при Георге III с 1771 по 1781 гг. Он также занимал должность вице-канцлера Оксфордского университета с 1776 по 1780 гг. и был назначен епископом в Норвиче в 1790 г.

** Уильям Джонс поступил в Оксфордский университет, подружившись с Джорджем Хорном и Чарльзом Дженкинсоном, впоследствии первым графом Ливерпулом. В 1777 г. он стал бессменным викарием в Найленде, Саффолк, а позже служил капелланом Джорджа Хорна после его продвижения на престол в Норвиче.

*** Джон Ривз был призван в коллегии адвокатов в 1779 г. и занимал ряд гражданских должностей с 1780 г. В ноябре 1792 г. он учредил «Ассоциацию защиты свободы и собственности от республиканцев и левеллеров» в таверне «Корона и якорь» и сам стал ее председателем. Он был награжден за свои усилия в управлении поместьем Савой (1794–1802) и повышен до королевского печатника в 1800 г.

Таким образом, в современной британской историографии проблемы сформировалось вполне устойчивое течение, сторонники которого исходят из того, что хотя в первые десятилетия правления Георга III, возможно, и не было никакой новой «партии» тори, однако среди фракций в палате общин существовала основа для нового и весьма заметного реакционного консенсуса, который способствовал ее появлению в начале XIX в. Этот консенсус последовательно определял узурпацию власти народом как основную угрозу конституции и базировался на том, что сохранение власти короны является неотъемлемой опорой политической стабильности. Можно заключить, что при обсуждении вопросов о происхождении политического суверенитета, отношений между короной и парламентом или требований парламентской реформы риторика тори, постепенно оформившаяся в последней трети XVIII – начале XIX в., была последовательно антипопулистской. С другой стороны, старые идеи тори о божественном праве королей и неограниченности прерогативных полномочий британских монархов, характерные для политического дискурса времен от Славной революции до первых двух монархов ганноверской династии, были сознательно пересмотрены в соответствии с новым политическим климатом. Все эти обстоятельства способствовали появлению новой идентичности тори, отличающейся от нелояльности, связанной с якобизмом, и характеризующейся вместо этого ревностной приверженностью идеалам Славной революции. В свою очередь сближение между старым торизмом и консервативным вигским дискурсом было в значительной степени облегчено потому, что оно базировалось на защите идей безусловного повиновения подданных, сильной королевской прерогативе и сопротивлении реформе политического представительства. Прежние же политические конструкции, характерные для вигской историографии первой трети прошлого века с традиционным определением тори как «партии двора», а вигов – как «партии страны» сегодня постепенно утрачивают былую актуальность и оцениваются в современной британской исторической науке как схематичные и не всегда соответствующие действительному положению вещей.

Список источников:

1. Burke E. Thoughts on the Cause of the Present Discontent. L., 1770. 141 p.
2. Brougham H. The State of Parties // The Edinburgh Review. 1818. Vol. 30, iss. 59. P. 181–206.
3. Ключков В.В. Партия тори-консерваторов и конституционная революция 1822–1835 гг. в Великобритании. Ростов н/Д., 2017. 440 с.
4. O’Gorman F. The Emergence of the British Two Party System 1760–1832. L., 1982. 312 p. ; Prest J. Between Crown and People: Whig Politics in the Age of Fox and Grey // Historical Journal. 1994. Vol. 37, iss. 3. P. 705–708.
5. Clark J.C.D. English Society 1660–1832: Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancien Regime. Cambridge, 2000. 402 p.
6. Стецкевич М.С. Секуляризация в Англии XVIII–XIX вв.: проблемы историографии // Манускрипт. 2018. № 10 (96). С. 53–60. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.10>.
7. Clark J.C.D. Op. cit. P. 249–250.
8. Стецкевич М.С. Указ. соч. С. 57.
9. Namier L. The Structure of Politics at the Accession of George III. L., 1957. 486 p.
10. Bradley J. The Anglican Pulpit, the Social Order, and the Resurgence of Toryism during the American Revolution // Albion. 1989. Vol. 21, iss. 3. P. 361–388. <https://doi.org/10.2307/4050086>.
11. Avery M. Toryism in the Age of the American Revolution: John Lind and John Shebbeare // Historical Studies. 1978. Vol. 18, iss. 70. P. 24–36. <https://doi.org/10.1080/10314617808595574>.
12. Gunn J.A.W. Influence, Parties and Constitution: Changing Attitudes, 1783–1832 // Historical Journal. 1974. Vol. 17, iss. 2. P. 301–328. <https://doi.org/10.1017/s0018246x00007767>.
13. Clark J.C.D. Op. cit. P. 301.
14. Ibid. P. 239.
15. Sack J. From Jacobite to Conservative: Reaction and Orthodoxy in Britain, c. 1760–1832. Cambridge, 1993. 378 p. <https://doi.org/10.1086/ahr/101.4.1205>.
16. Ibid. P. 48.
17. Ibid. P. 77–78.
18. Aston N. Horne, George (1730–1792) [Электронный ресурс] // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com.ezproxy.stir.ac.uk/view/article/13789> (дата обращения: 24.05.2021).
19. Ditchfield G.M. Jones, William (1726–1800) [Электронный ресурс] // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com.ezproxy.stir.ac.uk/view/article/15106> (дата обращения: 24.05.2021).
20. Schofield P. Reeves, John (1752–1829) [Электронный ресурс] // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com.ezproxy.stir.ac.uk/view/article/23306> (дата обращения: 24.05.2021).
21. Rowell G. The Club of Nobody’s Friends, 1800–2000: A Memoir on its 200th Anniversary. Edinburgh, 2000. 136 p.
22. Sack J. Op. cit. P. 79.

Информация об авторе

В.В. Ключков – доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, истории и политологии Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета (ИУЭС ЮФУ), Ростов-на-Дону, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=204335.

Information about the authors

V.V. Klochkov – D.Phil. in History, Professor, Department of Sociology, History and Political Science, Institute of Management in Economic, Environmental and Social Systems, Southern Federal University (IMES SFU), Rostov-on-Don, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=204335.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.08.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.10.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.10.2021.